Китайские народные сказки

# Женщина-лисица

Наперед знаю, спросишь ты: «Разве такое бывает?» Все в сказке бывает. Подумай, пораскинь мозгами и поймешь, какой в этой сказке смысл заложен.
Жил в старину юноша по прозванью Да-чжуан. Жил вдвоем с матерью в маленьком домике у самой горы. И в холод и в зной ходил он в горы хворост рубить, тем и кормился. Рос Да-чжуан в бедности, да вырос могучим, плечистым, высоким и на редкость простодушным. В былые времена все отец с матерью решали: за кого дочь замуж отдать, на ком сына женить, — не то свадьба, не то торги — не поймешь. Часто до смерти чадо свое доводили. И все едино им было — полюбят молодые друг дружку или не полюбят. Только бы в богатый дом чадо свое сбыть — и ладно. У богатого в доме три женских покоя, а то и четыре наложницы сразу; бедный весь век бобылем живет.
Заговорился я что-то, не про то речь пойдет. Так вот, вырос Да-чжуан, пора бы ему жениться, а он все один да один. Понимает он, что мать в том не виновата, худого слова ей не скажет, обиды своей не выскажет. Жара холод сменяет, осень — весну, год за годом проходит. Молчит Да-чжуан, а сам уже ни на что не надеется, опостылела ему жизнь.
Но вот однажды пригрело весеннее солнышко, цветы расцвели, всю гору пестрым ковром укрыли. Еще зеленей стали сосны, еще прозрачней вода в родниках. Зазвенели на все лады ручейки. Легкий ветерок подул, запели-защебетали птицы. Скоро полдень, а Да-чжуан знай хворост рубит, обо всем на свете забыл. Вдруг слышит — рассмеялся кто-то, звонко так да весело. Оглянулся — что за диво! Стоят под высокой каменной скалой две девушки — две птички, смехом заливаются. Чуть не рядом с юношей стоят. И все ему видно. Одна девушка в зеленое одета; лицо — овальное яйцо утиное, глаза узкие, брови тонкие. Красавица, да и только! Другая девушка в красное одета. Лицо круглое, глаза большие, щечки румяные, зубы белые.
Росла на вершине скалы слива дикая, красным цветом усыпанная. Подпрыгнула девушка в красном, за сосну ухватилась, легко на самую макушку вскарабкалась. Вмиг до середины отвесной скалы добралась, да так ловко, будто ветром ее туда занесло. Хоть и привык Да-чжуан по горам лазить, а подивился. Взобралась девушка на вершину скалы, наклонилась, полную охапку сливовых цветов нарвала. Распрямилась, видит — юноша с нее глаз не сводит, рассмеялась и бросила в юношу цветок. И вот диво: ни вправо не упал цветок, ни влево, ни вперед, ни назад — прямехонько в голову юноше угодил. Растерялся юноша, покраснел. А девушка так и покатывается со смеху.
Говорит ей сестрица:
— Не шутки у тебя, а зло одно. Пошли лучше домой. Увидит отец — не до шуток будет.
Повернулись девушки и за каменной скалой исчезли. Стал юноша думать, стал гадать. «Чьи же это дочери сюда ненароком забежали?» А потом решил: «Не мое это дело», и снова принялся хворост рубить.
На другой день Да-чжуан, как всегда, в горы отправился. Рубит он хворост, вдруг — шварк — камешек прямо перед ним упал. Обернулся юноша — меж сосен красное платье мелькнуло. Звонкий смех бусинками рассыпался. Заколотилось у юноши сердце, никак не успокоится.
На третий день девушка в красном с охапкой хвороста Да-чжуану навстречу вышла, смехом заливается. Глаза у нее еще яснее, щечки еще розовее.
Говорит юноша:
— Ты... — и ничего больше сказать не может.
Бросила девушка хворост, засмеялась и убежала. Взяла тут юношу досада. Ругает сам себя: «Рот деревянный, язык непослушный». Обо всем забыл юноша, только про девушку и думает. Насилу день прожил. Утром пришел, смотрит — девушка на травке у реки сидит. Расхрабрился юноша, дай, думает, подойду к красавице. А красавица рот рукой прикрыла, так и прыснула со смеху.

Застеснялся юноша, остановился, дальше идти не решается. А девица головой кивает, зовет юношу. Подошел он. Как звать девицу, не знает и спрашивает:
— Ты откуда?
А девушка смеется и отвечает:
— Не все ли равно откуда? Давай лучше я тебе хворост помогу рубить. Посмотрим, кто больше нарубит!
Девушка то на дерево заберется, то вниз спрыгнет. Руки проворные, сама легкая. Ломает хворост, да никак ей за юношей не угнаться — чуть поменьше его наломала. Забралась девушка на сухое дерево, с треском верхушку обломила. Вдруг из лесу голос послышался:
— Эр-ни! Хватит тебе проказничать, не маленькая! Иди скорее, отец пришел!
Спрыгнула девушка с дерева, на одну кучу хвороста посмотрела, другую взглядом смерила, головой мотнула и говорит:
— Ты верх взял, больше меня хворосту наломал. А теперь мне пора. Старшая сестра кличет.
Повернулась девушка, к лесу побежала. Обернулась, засмеялась и исчезла.
С той поры девушка частенько прибегала из лесу. Шутки шутит, смехом заливается, юноше хворост собирать помогает. Сказала она, что прозывается Эр-ни — Вторая дочь, что она из семьи Ху, живет за высокой горой, а девушка в зеленом старшей сестрой ей доводится.
Уж так рад юноша, когда девушка к нему приходит, что небо вместе с ним радуется, земля веселится. Защебечут птицы — чудится юноше пенье дивное. Зашумят на ветру листья — слышится юноше звонкий смех. И цветы будто краше стали и ручьи звонче. Вот бы взять такую девушку в жены. Думает так юноша, а красавице ничего не говорят, боится.
Приметила мать: уходит сын раньше, домой возвращается позднее. Хворосту еще больше приносит. Радуется старая — трудолюбивый у нее сын, и тревожно ей — неладное чует. То веселится юноша, то вдруг задумается, как потерянный ходит. Не стерпела мать, спрашивает:
— О чем печалишься, сынок?
И рассказал ей сын все, как есть, по порядку.
Говорит мать:
— Горы глухие да пустынные. Откуда там девушке взяться? Коли встретишь ее опять, приведи, я на нее, погляжу.
Наутро пришел юноша в горы, а девушка на прежнем месте сидит — на самой верхушке скалы каменной. Голова вся цветами изукрашена. Взяла Эр-ни один цветок, в волосы юноше воткнула, а сама смеется-заливается.
Говорит юноша:
— Не будем мы нынче хворост рубить.
— Отчего же не будем? — спрашивает девушка.
Отвечает юноша:
— Моя матушка на тебя взглянуть хочет.
Обиделась девушка и говорит:
— Эх ты! Хочешь, чтоб мать тебе подходящую жену выбрала?
Сказала так девушка, плечами повела, повернулась и убежала.
Растерялся юноша, быстро догнал девушку, говорит, а сам запинается:
— Хочу я с тобой век вместе прожить, коли не брезгуешь, соглашайся.
Застеснялась девушка и говорит:
— Да это я так, шутки шучу. — Сказала и опять смехом залилась.
Посмотрел юноша на девушку и тоже рассмеялся, пот со лба вытер.
Привел юноша Эр-ни к себе в дом, стала она его женой. И до того трудолюбива была Эр-ни! За что

ни возьмется — все у нее спорится. Нисколько не гнушалась девушка бедностью Да-чжуана. День-деньской щебечет да смеется. С нею и старуха-мать словоохотливей стала. Только вскорости закручинилась вдруг старуха, брови нахмурила. Стала ее Эр-ни спрашивать, что да как. А старуха ей и отвечает:

— Не хочу я тебя обманывать, доченька, все наши припасы кончились, нечего больше в котел класть.

Засмеялась молодая невестка и говорит:

— Не тревожьтесь, матушка!

Сказала она так и убежала куда-то. Немного времени прошло, смотрит мать; невестка с целой корзиной риса воротилась. Глазам своим не верит старуха. Радуется, а у самой сердце ноет. И спрашивает она невестку:

— Где ты рис раздобыла, доченька?

Ничего не сказала Эр-ни, рассмеялась и за стряпню принялась. Дни долгие, ночи длинные. Старуха-мать и думать про этот случай забыла.

Год прошел. Родила Эр-ни мальчика. Живут они вчетвером — не нарадуются. Оглянуться не успели — мальчик бегать научился. Но вот однажды, когда солнце уже за гору село, шел Да-чжуан домой с вязанкой хвороста, вдруг видит — Эр-ни с каким-то стариком разговаривает. Хотел он было подойти посмотреть, что за старик такой, опомниться не успел, как старик исчез. Эр-ни одна осталась. Подбежал к ней Да-чжуан, смотрит, а у Эр-ни из глаз слезы-жемчужинки катятся. Растревожился юноша, дрожит весь, ни разу не видел он, чтоб жена плакала. Не успел он и рта раскрыть, а Эр-ни ему и говорит:

— Должны мы с тобой, Да-чжуан, нынче расстаться.

Смотрит юноша на Эр-ни, глаза широко раскрыл. Ему и во сне такое привидеться не могло, думает: может, ослышался. А жена опять ему говорит, да тихо так:

— Искал меня отец, искал и нашел наконец. А теперь с собою увести хочет.

Понял тут Да-чжуан, что приключилось, заныло у него сердце, и спрашивает:

— Уйдешь ты, значит, от меня?

— Не моя на то воля, отец неволит. Забудь обо мне, будто и не было ничего промеж нас. Никогда мы больше с тобою не свидимся. — Сказала она так и заплакала горько-горько.

Не стерпел Да-чжуан, уронил слезу и говорит:

— Не можем мы с тобою расстаться!

Ничего на это не ответила Эр-ни. А потом говорит:

— Надумал мой отец в дальние края податься. Ты сейчас воротись домой. А после, если не забудешь меня, иди на юго-запад, пройдешь тысячу верст, увидишь старую акацию. Десять тысяч лет ей. Под той акацией пещера есть в сто верст длиной, там и найдешь меня.

Закивал Да-чжуан головой, согласен, мол. Вдруг Эр-ни наклонила голову, что-то выплюнула, красное и блестящее, вложила в кулак юноше и говорит:

— Нечего тебе будет есть, попроси у жемчужины, скажи: «Жемчужина, жемчужина, дай мне еды!»

Посмотрел Да-чжуан на жемчужину, а она величиной с боб. Поднял голову — Эр-ни и след простыл, сидит у его ног на задних лапах огненно-красная лиса, из глаз у нее слезы на землю капают. Присел Да-чжуан на корточки и говорит:

— Возьми свое сокровище обратно, Эр-ни. Ты тварью оборотилась, а без тебя не видать мне счастья.

Замотала лисица головой. Хотел Да-чжуан ее на руки взять, вдруг слышит — за спиной у него кто-то кашлянул. Оглянулся — нет никого, а потом смотрит — и лисица исчезла. Чуть умом не тронулся юноша, ищет везде — ни следа лисьего нет нигде, ни тени. Тут ночь наступила. Делать

нечего, пришлось домой воротиться.
День и ночь думает Да-чжуан про Эр-ни, кусок ему в горло не идет. Сын с утра до вечера плачет, мать ищет. Старуха по невестке тоскует, внучонка жалеет, смотрит, как плачет дитя малое, и сама слезами обливается. Слез тех на целую заводь хватило бы. Горе радость сменило. А время бежит. И вот решил Да-чжуан в путь отправиться Эр-ни искать. Наказала мать сыну взять жемчужину с собой. Все готова старая терпеть — голод, нужду, только бы сын Эр-ни нашел и домой с ней воротился. Собрала старая сына в дорогу, сухих лепешек ему положила, да не про то речь.
Отправился юноша в путь. Ветер его насквозь пробирает, иней, дождь да роса мочаг, вёдро ненастье сменяет. Уж и не знаю, сколько дней, сколько ночей он шел, год целый, а то и больше прошел. И увидел он наконец ту акацию. Недаром десять тысяч лет ей — вдесятером не обхватишь. Под акацией пещера, глубокая-преглубокая, дна не видать. Радуется Да-чжуан, только страшно ему. Эх, думает, будь что будет. И начал вниз спускаться. А дорога — косогор крутой, и темным-темно. Пришлось юноше ощупью пробираться.
Идет он день, идет ночь, еще день, еще ночь, вдруг видит — светло стало. Еще немного прошел — вдалеке высокая арка и большие ворота показались. Ворота лаком черным крытые. Подошел юноша к воротам, подергал за кольцо — ворота распахнулись. И увидел юноша девицу в зеленом платье, ту самую, которую Эр-ни своей старшей сестрой назвала. Смотрит девушка на Да-чжуана, глазам своим не верит, одолела ее тревога, спрашивает:
— Ты как сюда попал? Вернется отец — не поздоровится тебе.
— Будь что будет, только надобно мне с Эр-ни повидаться.
Вздохнула девушка, ворота заперла и говорит:
— Иди за мной.
Двор просторный, во дворе дом стоит, в доме с каждой стороны по флигелю — все из одноцветного кирпича сложены, черепицей крыты. Привела девушка Да-чжуана в восточный флигель, пальцем на кан показала:
— Вот она, Эр-ни.
Смотрит Да-чжуан — там лиса лежит. Тяжко стало у него на сердце. Вмиг вытащил он из мешка волшебную жемчужину. А лиса, как увидела юношу, так и кинулась к нему. Рот раскрыла, а сказать ничего не может. Положил тут юноша лисице в рот жемчужину, перекувырнулась лисица, смотрит юноша — опять Эр-ни перед ним стоит. Обрадовался сперва Да-чжуан, потом сердце у него заныло. Похудела Эр-ни, вроде бы старше стала. А Эр-ни взяла его за руку, смеется. Смеялась, смеялась и как заплачет вдруг! Тут у ворот чей-то голос послышался. Испугалась старшая сестра и говорит:
— Прячься скорей! Отец воротился.
Да-чжуан от злости даже глаза вытаращил. Рванулся вперед. А сестра Эр-ни его легонько рукой отталкивает. Потом ушла, а сама дверь заперла.
Говорит Эр-ни:
— Станет отец тебя потчевать, крошки в рот не бери.
Только она это сказала, входит во двор старый лис, носом шмыгает, принюхивается:
— Чую человечий дух. Чую человечий дух!
А старшая дочь ему отвечает:
— Откуда тут человечьему духу взяться? Это ты ходил-бродил, чужой земли на ногах принес.
Отвечает старый лис:
— Не я принес. Чужой пришел. Чую человечий дух! Чую человечий дух!
— Не чужой пришел, муж Эр-ни пожаловал.
А Да-чжуан уже все наперед прикинул. Не отдаст ему старый лис Эр-ни, он будет насмерть драться

с ним. Тут как раз послышался во дворе хохот старого лиса. Расхохотался он и как закричит:
— Пусть муж Эр-ни живо ко мне выйдет! Поглядеть на него хочу!
Отперла старшая дочь дверь. Вышел Да-чжуан, смотрит — перед ним белолицый старец стоит, атласная куртка на нем. Увидал он юношу, стал рукой его манить да звать:
— Иди-ка быстрей наверх, в северную комнату. Небось проголодался? Попотчую тебя на славу!
Поднялся юноша вслед за старцем в комнату. В комнате стол стоит, лаком крытый, блестит. А на столе том яств видимо-невидимо: десять блюд да еще восемь чашек. И чего только нет. Курятина, рыба — ароматный дух прямо в нос бьет. У Да-чжуана в животе урчит, почитай, день целый не ел. Но крепко-накрепко запомнил он, что Эр-ни ему наказывала. И так его упрашивал белолицый старец, и эдак уговаривал — ни крошки юноша не взял.
Говорит старец:
— Не хочешь овощи — лапши отведай.
А юноша на своем стоит, к еде не притрагивается. Старец сам юноше отвар из лапши подает, говорит:
— Не хочешь лапши — выпей хоть отвару.
У юноши во рту пересохло, аж сердце от жажды горит, и думает он: «Эр-ни только есть не велела, а про питье вроде бы ничего не сказала. Выпью немного, авось обойдется». Взял юноша у старца чашку с отваром, стал пить. Пьет-пьет и не заметил, как лапшинка в рот проскочила.
Вернулся юноша во флигель и стал животом маяться.
Спрашивает Эр-ни:
— Ел ты у отца, когда он тебя потчевал?
— Не ел, только отвар из лапши пил, да вот не заметил, как лапшинка в рот проскочила.
Стала его Эр-ни укорять:
— Зачем же ты отвар пил? Не лапшинка тебе в рот проскочила, змея ядовитая. Изведет она тебя.
Аж подскочил юноша с перепугу, а Эр-ни ему и говорит:
— Чтобы от змеиного яда уберечься, надобно белую жемчужину добыть. А старец ту жемчужину во рту держит. Дам я тебе жбан вина, возьми его и вместе пойдем к отцу.
Пришли они в северную комнату, а старец о ту пору как раз спать собрался.
Говорит ему Эр-ни:
— Отец, мой муж из дальних краев пришел, ничего он с собой не принес, только жбан отменного вина, чтоб уважение тебе выказать. Вино это на коричных цветах настояно.
Сказала так Эр-ни, сняла со жбана крышку. Такой аромат разлился по комнате, что и рассказать невозможно. А старец как увидел вино, обо всем забыл, схватил жбан двумя руками и давай пить. Все до капельки выпил — захмелел, податливым стал, как глина. Тут Эр-ни и вытащила у него изо рта белую жемчужину. Старец не заметил, как лисом обернулся. Эр-ни взяла жемчужину, бросила ее в чашку с водой и велела Да-чжуану выпить. Забулькало у юноши в животе и болеть перестало. Вытащила Эр-ни из чашки жемчужину, положила себе в рот, взяла Да-чжуана за руку, и побежали они. Бегут — земли под собой не чуют. Выскочили из пещеры. Дня не прошло, а они уж воротились. И стали они опять жить все вчетвером в радости и довольстве.